

Юрий ОСТАПЕНКО,

писатель, журналист, главный редактор журнала «Самолёт».

I

За месяц пребывания в Бостоне показалось, что мы достаточно полно ознакомились с достопримечательностями «штата залива» – таково неофициальное название Массачусетса, – и поначалу без особого энтузиазма восприняли мы предложение посетить музей русских икон, что расположен неподалёку, в городе Клинтоне. Ехать в Америку, чтобы посмотреть русские иконы? Это и дома можно сделать, тем более совсем недавно мы любовались ими в Ново-Иерусалимском музее. Но поехали. И впечатления оказались настолько сильными, что я просто не мог не поделиться ими с читателями газеты...

Музей русской иконы создал в Клинтоне местный промышленник Гордон Лэнгтон. В 1989 году он приехал в разрушенную перестройкой страну и во время посещения толкучки в Измайлово купил за двадцать долларов икону. Обе стороны были довольны сделкой. Гордон, хотя и не был специалистом в иконописи, понимал, что старинная икона не может стоить так дешево. Продавец же был доволен, что так дорого (за запрошенную цену, без торга!) сбыл товар.

Увёз Лэнгтон икону, но, оказывается, увёз нечто большее, чем потемневший лик Николая Угодника. Он, родившийся в семье протестантов, не признающих икон, не мог объяснить неведомой притягательной силы, заключённой во взгляде Мир Ликийских Чудотворца. Пришлось обращаться к давно забытым текстам Нового Завета.

Гордон тогда и не думал, что та покупка обернётся особым событием в его жизни, а он станет знатоком русской иконы и создателем первого и единственного в Соединённых Штатах музея.

Но до этого было ещё далеко – бизнес, оцениваемый в миллиард долларов, требовал от владельца Лэнктона всех его помыслов и энергии без остатка. А бизнес был серьёзный и очень перспективный: компания «Найкон» работала на рынке изделий из пластмасс. Её отделения были во многих странах мира, и ту памятную поездку в Москву Лэнгтон предпринял не ради туристического интереса, а исключительно из-за бизнеса. Уместно заметить, что из ста бизнесменов, приехавших в тот год в нашу столицу, только один рискнул вложить деньги в Россию. Этим человеком был Лэнгтон.

Гордон потом ещё несколько раз наведывался в Москву – отлаживал работу вновь организованного филиала «Найкона». И всегда находил время сходить на измайловский развал – тогда же иконы можно было вывозить из России. Через два года его коллекция насчитывала уже 15 экземпляров.

Потом произошло непредвиденное: Гордон Лэнгтон отошёл от дел в собственной фирме и, оставив за собой пост председателя совета директоров, отдался идее создания настоящего музея, в котором в качестве экспонатов были бы только русские иконы. Он приобрёл здание в центре Клинтон, пригласил специалистов по музейному делу, завёл обширные связи с музеями мира, в том числе и с русскими; одним словом, с той же обстоятельностью, как в бизнесе, окунулся в новую для себя сферу...

И вот ранним утром, в разгар «индейского лета», как называют в Новой Англии багрово-красную осень, мы помчались по федеральному шоссе в неведомый Клинтон, на ходу обсуждая, как же житьё на чужбине «нашим иконам». Мы вспоминали, как в детстве в красном углу дома висели образа с мерцающей под ними лампадой. Предполагалось, что нам, тогдашним комсомольцам и пионерам, в Бога верить не пристало, но в душе каждого подспудно и неистребимо жила убежденность, что, пока в родительском доме теплится лампада, всё в нашей жизни будет хорошо.

А потом не стало родителей, дома с лампадами пошли на слом, а иконы, утянутые предприимчивыми дельцами, перекочевали на тот же Измайловский невольничий базар. Наши закопчённые, потускневшие, ослепшие, но настоящие, поскольку «намоленные», они отравились в неволю, купленные, как простой товар, за рубли, марки, доллары...

Бостонский хозяин, услышав о наших тревогах засмеялся: в Клинтоне всё окей, в Америке умеют ценить старину. В общем-то и мы, уже успевшие побывать в великодушных государственных галереях, роскошных музеях, в удивительно трогательных этнографических деревнях, технопарках, знали, что со стариной здесь, действительно, всё «окей». Но всё-таки закрадывались сомнения по поводу того, как будут смотреться «чёрные доски», приспособленные к сумрачным приделам русских церквей, к маленьким комнатам рубленых пятистенков в стерильно-чистых чертогах хайтекского модерна, присущего всем американским музеям.

Клинтон встретил нас нарядными одноэтажными домиками, обитыми неприменным сайдингом, которые по мере приближения к центру всё больше теснились к друг другу, пока не выстроились

в маленькие улочки вокруг неперемного коммуна – общественного луга, который издавна в американских городах был центром поселения. На взгорке остроконечными шпильками царяла низкая облака здешняя церковь неведомой нам конгрегации (в Америке насчитывается более десятка разновидностей христианства), рядом, над фронтоном красивого трёхэтажного здания развевался огромный звёздно-полосатый флаг – стало быть, Сити-холл, местное самоуправление, а чуть поодаль стояло массивное кирпичное (редкость для сельской деревянной Америки) двухэтажное здание – это и был музей.

Объявление на дверях гласило, что в музее новая экспозиция, в которой представлены иконы музея имени Андрея Рублёва из Москвы. Мы переглянулись: это кое-что значило!

Билет стоил восемь долларов, но кассир, взглянув на нас, констатировала: «пенсионеры», – и объявила новую цену: пять долларов. Для справки скажем, что буханка хлеба в Америке стоит те же пять долларов, проезд в общественном транспорте – полтора доллара. За билет в «большие» бостонские музеи надо выложить 18 – 20, а в оперу 80 – 200 баксов и больше.

Едва переступив порог, мы почувствовали, что «наши иконы» в хороших руках. Побывав в разных галереях, мы могли предположить, что клинтонский музей не отстанет от прочих по части комфорта, сервиса, но не знали намерений основателя музея, который задумал, как нам довелось выяснять, создать лучший музей икон в мире. Гордон Лэнгтон решил сделать вовсе не хранилище редкостей: в музее, по его мнению, должно было состояться взаимопроникновение культур, контакт цивилизаций, если хотите. И то, что мы увидели в американской «глубинке», было действительно выдающимся явлением культуры, попыткой через древнее искусство познакомить свой народ с мировосприятием жизни, с духовностью другого народа, столь долго превращаемого силами медиа-средств во врага Америки.

В 2007 году, специально приглашённый из Нью-Йорка ректор Свято-Николаевского Патри-

аршего собора, отец Александр Абрамов освятил музей и провёл там богослужение.

Лэнгтон, почётный гражданин Клинтон, сумел добиться, чтобы ему продали двухэтажное здание, в котором раньше размещалось полицейское управление, потом приобрёл стоявшее рядом строение. Был нанят архитектор-дизайнер, помещение переоборудовали по последнему слову музейной техники, интерьер обновили, поставили систему климатического контроля, систему безопасности, установили лифт для инвалидов и пожилых людей, провели оптоволоконное освещение и, наконец, разместили экспозицию.

Как и во всех американских музеях, здесь много воздуха, экспонаты на стенах, стеллажах, витринах стоят просторно. Экспозиция насчитывает более 400 собственных экспонатов, плюс временные выставки, которыми регулярно обмениваются музеи. Все окна в музее закрыты наглухо и загорожены интерьерной отделкой, за исключением выставочного зала на первом этаже, где специальные гардины. Если зал используется, скажем, для концерта или лекции, то окна можно разгородить; в другое время – только рассеянный свет, никаких прямых солнечных лучей. Так что пережившим тяжёлые времена на родине, перенёшим многокилометровое путешествие русским иконам созданы самые комфортные условия. А для тех, кому жизнь нанесла ущерб, в музее есть своя реставрационная мастерская, в которой трудятся профессионалы высокого класса. Тут же, неподалёку от реставрационной, на большом экране демонстрируется фильм на русском языке с английскими субтитрами об истории школы иконописи в Палехе (после революции её мастера перекаленифицировались на расписывание пкатулок). На втором этаже ещё один документальный фильм – «Русский Кувеч». А этажом выше зрители столпились у третьего экрана – там идёт картина о жизни в Соловецком монастыре.

Оказалось, что в справочном отделе музея (рядом с кассой) можно взять аудиогид (на четырёх языках), где вся информация по экспозиции. Мы, разумеется, взяли русскоязычный прибор, похожий на старомодный сотовый телефон с клавишами-цифрами и маленьким экранчиком, и с наслаждением стали слушать хорошо поставленную речь неведомого специалиста, который ярко и образно рассказывал о каждой иконе, пояснял детали её создания, историю появления в Америке. Для тех, кто не пользуется аудиогидом, на табличке у каждой иконы на английском языке достаточно подробно описаны сюжет, культурное значение, причина возникновения, авторство. У особо интересных экспонатов на полочках лежат большие лупы с подсветкой в ручке, которые можно взять, чтоб рассмотреть заинтересовавшую вас деталь. Это далеко не все новинки «сегодняшнего дня». О многом говорит и тот факт, что здание находится на полном энергетическом самообеспечении: 44 солнечные панели, каждая из которых производит 13 киловатт-часов электричества, не только полностью обеспечивает музей необходимой энергией, но и поставляет избыток в местную энергосеть через вспомогательную генераторную систему. Это покрывает только малую часть расходов солидного научного учреждения, но музей и не планировался как источник дохода, он существует даже не на деньги от билетов, а на пожертвования многочисленных филантропов, главным из которых является сам основатель Лэнгтон.

Гордон хотел, чтоб у него был лучший музей в мире, и он его построил. Удобный и добрый и для Спаса Вседержителя, и для Николая Угодника, и для Параскевы Пятницы, покинувших не по доброй воле родные края...

Мы уже собирались записать свои впечатления в книге посетителей, как кто-то сказал, что в музей пришёл сам Лэнгтон, который три раза в неделю лично проводит экскурсии. Большой удачей и желать невозможно.

II

Он вёл экскурсию в зале, где была выставлена коллекция из 37-ми экспонатов, представленных московским Музеем имени Андрея Рублёва, и этот шаг российской стороны наполнял Лэнктона гордостью, ибо подобное событие выводило его музей в разряд крупных международных центров русской культуры. С трудом понимая английскую речь, мы смотрели на интеллигентное лицо уже немолодого человека и видели, как оно светилось искренней радостью.

Трудной была дорога Лэнгтону к своему храму, и именно это заставило написать о нём очерк, хотя подобная биография может стать сюжетом для большой и интересной книги.

Гордон не был местным уроженцем, он появился на свет в штате Иллинойс, и это придает особый вес тому факту, что он стал почётным гражданином города Клинтон, поскольку в американской практике подобные случаи крайне редки. И учился он вдали отсюда: получил диплом инженера-механика Корнельского университета.

Окончив учёбу, молодой инженер два года прослужил в армии, в войсках НАТО, расквартированных в Германии. Но и после увольнения в запас 26-летний Гордон не поспешил на производство, а решил осуществить давнюю мечту – совершить кругосветное путешествие на мотоцикле. Увы, на «кругосветку» не хватало денег, поэтому пришлось ограничить планы Ближним Востоком, Индией, Юго-Восточной Азией, включая Филиппины и Сингапур...

О миллионном состоянии он, как и любой американец, тоже мечтал, но денег было в обрез, и сучные траты на всё про всё: ночлег, еду, бензин, – Гордон определил себе в пять долларов. Понятно, что об отелях и ресторанах при таком

ОЛГ-инфо:

Русская икона – один из способов отражения русского самосознания, неофициальный символ России. Икона, писал Павел Флоренский, суть «написанное красками имя Божье... иконописцы свидетельствуют не своё иконописное искусство, то есть не себя, а святых, свидетелей Господа, или же – и Самого Господа... Из всех философских доказательств бытия Божия наиболее убедительно звучит именно то, о котором даже не упоминается в учебниках; примерное оно может быть построено умозаключением: есть «Троица» Рублёва, следовательно, есть Бог... Иконы – «видимые изображения тайных и сверхъестественных зрелищ», по определению св. Дионисия Ареопагита... Иконостас есть граница между миром видимым и невидимым. Иконостас есть видение. Иконостас есть явление святых и ангелов – агнофия и ангелофания, явление небесных свидетелей, и прежде всего Богоматери и Самого Христа во плоти».

раскладе оставалось только мечтать. Поэтому мотоцикл для Гордона был и средством передвижения, и рестораном, и отелем. В объёмистых сумках умещались палатка, спиртовка, концентраты, вода (он познал её цену, когда приходилось ночевать в пустыне, где вода была только в мirlажах). И – лекарства. Об этом разговор особый. У 26-летнего путешественника со здоровьем проблем не было, но, по совету опытных людей, он взял с собой необходимый минимум препаратов на всякий случай. «Всякие случаи» случались на удивление часто, когда Гордону приходилось выступать и в роли доктора, и в роли провизора. В Ираке, в Афганистане, в Индии он делился с людьми пустынь и гор, где останавливался на ночлег, жаропонижающими препаратами, лекарствами от расстройства желудка, аспирином, бинтами, йодом, запас которых регулярно пополнял в городах. За два года, проведённых на дорогах азиатского континента, он познал многое из того, что не вписывалось в американский стандарт, и от этого стал мудрее, терпимее. Дневники, которые Гордон вёл во время путешествия, красноречиво показывают процесс взросления, возмужания молодого инженера. Как ни трудно было в ходе многокилометровой гонки, он находил время каждый вечер оставить запись в дневнике.

Дважды в месяц он отсылал исписанные тетради домой, родителям на сохранение. В ответ те писали недолгие письма, призывали обдуматься, сообщали, что «соседи» считают его «стронутым». По возвращении из путешествия Гордон убедился: все тетради на месте, но осмысливать итоги путешествия решил позже, предполагая со временем издать «Дневник мотоциклиста».

Ирония судьбы: книга под названием «Дневник мотоциклиста» вскоре появилась на прилавках книжных магазинов Америки. Её автором был другой молодой человек, аргентинский студент-медик, который (бывают же совпадения!) решил в эти же годы – чуть раньше нашего

героя – проехать по Южной Америке и которого увиденная нищета, социальная несправедливость, произвол и беззаконие потрясли так же, как и нашего героя. Страстность, с которой был написан этот «Дневник», привлекла читателей, книга выдержала несколько переизданий, по ней сняли фильм. Имя автора – Эрнесто Че Гевара – стало известно во всём мире. Латинско-американец пришёл к убеждению: из нищеты можно выбраться лишь революционным путём, и его участие в кубинской революции вместе с Фиделем Кастро стало закономерным шагом.

Североамериканец Лэнгтон посмотрел фильм, прочёл книгу – и не согласился с выводами своего нечаянного коллеги по мотопробегу. Он был убеждён, что революции – неприменный источник бед для тех, кто их затевает. Эволюционный путь с опорой на закон, на права человека, на демократию – единственно разумный путь развития. Но интерес и симпатии к неукротимому революционеру Лэнгтон испытывал всегда и был потрясён трагической гибелью Че, который, претворяя свою мечту о революционном переустройстве мира, понёс её, революцию, в ничего об этом не подозревавшую страну – в Боливию. С полусотней отважных фанатиков он хотел зажечь пламя свободы...

Мировую аудиторию, которая по сути является аудиторией обывателей, всегда интересует острый сюжет: смерти, убийства, погони. В судьбе автора книги о мотоциклетном путешествии Че Гевары подобного было предостаточно, а в случае с Лэнктоном этого не было, и его книга «The Long Way Home. A Motorcycle's Journey» внимания кинематографистов не привлекла. А жаль, поскольку судьбы таких людей подобны тем самым параллелям, которые никогда не пересекаются. А может, и пересекаются, только в виртуальном мире...

В 28 лет Гордон начал работать и очень быстро стал квалифицированным специалистом по производству синтетических материалов в фирме «Дюпон корпорейшн» в небольшом городке Уилмингтоне. Через год Лэнгтон становится

совладельцем небольшого предприятия (всего 8 станков), изготавливавшего штампованные детали из нейлона. Потом количество станков (и цехов) выросло, расширилась номенклатура продукции, но название исходного материала в названии предприятия сохранилось – «Найпро» (Nylon product, сокращённо Nupro). За полвека небольшое предприятие под руководством Лэнктона стало гигантским объединением различных производств, имеющих 66 филиалов в 18-ти странах мира, в том числе и в России, с объёмом продаж более 1 миллиарда долларов в год.

Компания процветала, несмотря на то, что Лэнгтон внёс в управление его новые элементы, главным из которых была отчётность руководящего персонала перед рабочими. Эта идея в предпринимательских кругах была сочтена «социалистической».

Да и сам миллиардер был несколько странным. Он не имел яхт, личных самолётов, жил отнюдь не в роскоши. И даже на работу иногда приходил пешком, благо, прогулка по чистому и уютному Клинтону действительно может доставить удовольствие. И всё же, как мы отмечали, успешный бизнесмен оставил дело, чтобы заняться на склоне лет любимым увлечением – русскими иконами. Тем более что делать это оказалось совсем не просто. Очень скоро после перестроечного обморока законы нашей страны запретили вывоз икон, и все основные приобретения клинтонского музея были сделаны уже на аукционах, на мировых торговых площадках, где продают произведения искусства. А стоит это немалых денег...

Расставание с бизнесом у Лэнктона проходило по-особому. Он решил своё предприятие... подарить трудовому коллективу. Это было неслыханное! Такого в Америке ещё никогда не случалось! Юристы быстро доказали оригинально-бизнесменскую невозможность подобного бескорыстного шага. И тогда Лэнгтон решил продать фирму её коллективу за... один доллар. Власть запретила и этот шаг. Начался долгий процесс судов-пересудов, пока стороны не сошлись на минимально приемлемой цене. Созданный работниками фирмы специальный фонд «выкупил» акции предприятия. Себе Лэнгтон оставил несколько процентов, на общую сумму чуть более миллиона долларов, и должность председателя правления «Найпро».

Теперь он с удовлетворением наблюдает, как созданный им коллектив управляет производством. Акционеры самостоятельно нанимают менеджеров, участвуют в разделе прибыли, определяют стратегию развития предприятия. При этом акции «Найпро» не продаются на бирже, их ни в коем случае нельзя перепродать, подарить, завещать, передать по наследству. В случае смерти владельца акций или его ухода с предприятия фирма выкупает их за наличные, выплачивая деньги наследникам по реальной рыночной цене, но акции всегда остаются на предприятии. При распределении их между работниками собрание акционеров учитывает стаж работы человека на предприятии, вклад в общее дело, наличие «рационализаторских предложений», как сказали бы у нас, и ещё многие факторы.

Дела в «Найпро» идут в гору. Люди стали явно лучше работать, делая это «на себя». Теперь многие сотрудники с большим стажем уже сами стали миллионерами, но продолжают трудиться на родном предприятии. Вот так неожиданно пересеклись параллельные прямые, намеченные двумя молодыми людьми, затеявшими мотоциклетные пробеги по странам «третьего мира».

Такие вот социалистические коллизии в цитадели капитализма!

А Лэнгтон всё больше и больше времени проводит в музее, который стал украшением и города Клинтон, и его собственной жизни.